

КОСМОС РУССКОЙ РЕЧИ

часть вторая

Русский Космизм

в эволюции первой строфы первой главы поэмы А.С.Пушкина “Евгений Онегин”

ЗАЧИН (или, ИСПОЛЬЗУЯ ТЕРМИНОЛОГИЮ, ПРИНЯТУЮ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ). Исследователи и рядовые читатели, не принадлежащие к цеху литературоведов и пушкинистов (который зазорным - терминология Пушкина - в отличие от самого Александра Сергеевича, назвать трудно: скорее дотошным, въедливым, аккуратным, внимательным к ассоциациям и мелочам – чем угодно, но не зазорным) обращали внимание на то, что первая фраза поэмы Евгений Онегин в версии, являющейся после опубликования полного текста в 1833 году канонической, имеет нехарактерную для Пушкина лингвистическую структуру.

Первое четверостишие первой строфы первой главы
Евгения Онегина
в том виде, в каком оно напечатано в первой публикации
полного текста Поэмы в 1833 году
и во всех последующих изданиях

**Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.**

Во первых, в ней – если ее интерпретировать сообразно традиции – в одном предложении дважды повторяется подлежащее, аналогично сходным образом построенным предложениям-образцам: ‘мой муж он законченный пьяница’ или ‘Моя квартира она требует ремонта’. Структура в русском языке допустимая, но неуклюжая. К тому же в первых трех строках первой строфы два раза употребляются (как принято их рассматривать) идиоматические обороты, состоящие из трех слов каждый и которые по этой причине будем называть *троесловиями*. Причем значение этих троесловий в том смысле, в каком их традиционно интерпретируют, странновато не только для современного нам читателя, но и для современника Пушкина.

И в школьных учебниках, и на уроках русской литературы, и в монографиях есть ссылки на то, что троесловие “самых честных правил” будто бы заимствовано у Крылова. Многие пушкинисты, однако,

относятся к этому утверждению сдержанно и даже скептически. “Встречающееся в комментариях к *Евгению Онегину* утверждение, что выражение «самых честных правил...» — цитата из басни Крылова «Осел и мужик» («Осел был самых честных правил...»), не представляется убедительным. Крылов использует не какое-либо редкое речение, а живой фразеологизм устной речи той поры (ср.: «...он набожных был правил..» в басне «Кот и повар»). Крылов мог быть для Пушкина в данном случае лишь образцом обращения к устной, живой речи. Современники вряд ли воспринимали это как литературную цитату.” (Ю.М.Лотман, Структура Художественного Текста. Искусство 1998 год). Скептицизм признанного авторитета в лингвистике и пушкиноведении можно расширить. Обратим внимание на важный момент: выражение “он набожных был правил” не является идиоматическим оборотом, имеющий смысл, отличный от того, какой был бы у этих слов, если бы они воспринимались порознь. В басне Крылова *Кот и повар* слова “набожных был правил” обозначают буквально то, что написано. Так же как и словосочетание «Осел был самых честных правил...» в басне «Осел и мужик». Если рассматривать слова в каждой из традиционно приводимых в связи с началом поэмы Евгений Онегин цитат из крыловских басен не как словосочетания (троеслобие, идеоматический оборот), а каждое само по себе, изменения смысла не происходит. Напротив: если воспринять слова “самых честных правил” первой строки первой строфы поэмы Пушкина как три независимых слова, смысл меняется кардинально! Как это происходит, к примеру, в словосочетаниях “милостивый государь” – при обращении к человеку, государем отнюдь не являющимся. Или в двоесловии “старая перечница”, называя этими словами не часть бабушкиного сервиза, а женщину определенного склада характера.

Таким образом, если в первой строке первой строфы Пушкин и обращается к народному языку, то крайне специфическим образом. Преобразуя три независимых слова из трех отдельных, понятных каждому русскому человеку слова, в троеслобие-монолит, имеющий смысл резко отличающийся от того, если бы каждое из этих трех слов воспринималось независимо от остальных.

Принимая во внимание сказанное, ссылая на то, что начиная поэму, Пушкин хотел приблизить язык к народному, является крайне сомнительной. Доказательств того, что крепостные крестьяне когда либо говорили “самых честных правил” по какому угодно поводу, нет. А тем более, употребление этого словосочетания как идиоматического оборота – то есть состоящего из трех слов нераздельного монолита. И даже еще того более. Употребление в простом народе во времена Пушкина или вообще когда либо столь вычурных идиоматических оборотов как ‘самых честных правил’, и даже как отдельных независимых друг от друга слов, крайне сомнительно. А коли так, причина, по которой Пушкин начал поэму именно таким образом, становится и вовсе загадочной.

Таким образом, в трактовке словосочетания *самых честных правил* как троесловия как минимум три странности. (1) употребление словосочетания, которое специалисты трактуют как простонародное, хотя очевидно, что употребление столь нехарактерных для русской речи слов в таком изысканном сочетании в народе наверняка не было (2) аналогия первой строки с началом басни Крылова сомнительна даже для признанных экспертами пушкиноведов и (3) структура пушкинского троесловия “самых честных правил”, в отличие от басни Крылова, имеет смысл, отличающийся от того, который эти слова бы имели если их воспринимать порознь. Из сказанного очевидно, что Пушкин в самом начале поэмы поставил перед современниками и потомками загадку, которую следует расшифровывать и которая в традиционной трактовке от понимания далека.

Интерпретируя (как это по традиции делается более полутора веков) слова САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ как троесловие то есть идиоматический оборот, даже такой пронизательный пушкиновен как Ю.М. Лотман (так же как множество других специалистов, авторов учебников и учебных пособий) трактуют эти слова как “живой фразеологизм устной речи той поры”. Не приводя при этом ни одного примера (кроме басни Крылова, где, как указано выше и будет показано ниже, при внешнем сходстве структура совершенно иная) того, что это выражение действительно было фразеологизмом устной речи пушкинских времен, что он употреблялся народом и было понятно каждому. Приблизительно так, как идиоматический оборот – так сказать двоесловие – ‘божий одуванчик’ понятен каждому россиянину начала третьего тысячелетия. Кроме того, стилистика первых четырех строк Евгения Онегина резко контрастирует и с стилем поэмы, и с ее языком (за исключением этих четырех строк) и возвышенными эпиграфами, этим строкам предшествующими, и с стилем ‘зачина’ поэмы (“Не мысля гордый свет забавить...” – блистательным образчик пушкинской ясности). Естественно задаться вопросом: не скрывается ли за вычурностью первой строки – столь контрастирующей с Зачином поэмы - нечто совершенно иное? Не закодировал ли Пушкин в ней нечто, что является посланием к современникам и потомкам? Не может ли быть какого либо иного прочтения этих строк, кроме вычурного, архаичного и псевдо-народного? Которое навязывается при первом же чтении этого произведения в школе учителем, объясняющим школьникам его сложный лингвистический смысл. Навязчивость сама по себе, кстати сказать, также являющаяся уникальной при чтении входящих в программу школы стихотворений и наводящая на размышление, в чем причина необходимости комментариев, хотя к другим стихам: Пушкина, Некрасова, Цветаевой и других великих поэтов - при чтении комментариев не требуется, стихи на то и стихи чтобы, были понятны тому, кто читает. То же и с остальным текстом поэмы, написанном кристально ясным фантастически современным даже спустя двести лет языком. И только первые четыре строки первой строфы первой главы резко отличаются от всего остального, написанного Пушкиным. Вопрос о том, не скрывается ли за этой сложностью что то совершенное иное, представляется естественным и правомерным.

ФОРМУЛИРОВКА ГИПОТЕЗЫ. Согласно традиции, выражение САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ трактуется как троесловие то есть монолит из трех слов, имеющий смысл, отличный от того, какой имело бы первое предложение Поэмы Евгений Онегин, если бы эти слова воспринимались каждое в отдельности, само по себе. Вопрос о том, нельзя ли воспринимать САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ не как идиоматический оборот, а как три независимых слова (подобно тому, как независимые слова, а не как словосочетание-монолит, воспринимается считающееся образцом для пушкинского начал Поэмы начало басни Крылова Осел и Мужик), насколько мне известно, не ставился ранее. Попробуем проверить, возможно ли это естественное прочтение. Ибо, если оно невозможно, для объяснения вычурности первых строк первой строфы придется выдвигать какие-то другие гипотезы. И напротив: если смысл первой строфы при таком восприятии первой строки, при котором каждому слову сопоставляется его значение, зафиксированное в словарях, сохранится, то такое прочтение было бы исключительно важным. А также – учитывая, что такого, совершенно естественного понимания начала поэмы не было в течение ста семидесяти девяти лет, прошедших с момента первой публикации полного текста Онегина, своего рода лингвистическим чудом.

Однако может быть такое, наиболее естественное прочтение – если бы противоположному сзымальства не учили литературоведы и учителя – невозможно? Проверим это. Тем самым произведя (как сказали бы физики) решающий эксперимент.

Возможно ли понимание первого предложения Поэмы, при котором слова САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ являются тремя самостоятельными словами? Бесспорно! Чтобы убедиться в этом, разберем первое предложение Евгения Онегина – в предположении, что три слова САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ являются самостоятельными, а не принадлежащими к невесть откуда взявшемуся идиоматическому обороту – по членам предложения. Как нас в школе учили с четвертого класса разбирать предложения по его членам – так и поступим.

**РАЗБОР ПЕРВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПОЭМЫ ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН
ПО ЧЛЕНАМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Подлежащее: Дядя.

Дядя чей? Мой.

Дядя что делал? Правил.

Правил кого? Самых честных.

Правил когда? Когда не в шутку занемог.

Естественно и понятно, не правда ли? Хотя, возможно, с непривычки и ошарашивает. Прежде всего потому, что превращает слово правил, являющееся в канонической интерпретации существительным, в глагол.

Указанное понимание начала поэмы дает совершенно иной импульс и иной камертон всему остальному тексту великого произведения. И потому бесспорно заслуживает тщательного анализа.

СЛЕДСТВИЯ ИЗ ГИПОТЕЗЫ – ЕСЛИ ОНА ОКАЖЕТСЯ СПРАВЕДЛИВОЙ. Допустим, что ГИПОТЕЗА о том, что слово ‘правил’ в первой строке является не существительным а глаголом, верна. В этом случае поэма Евгений Онегин начинается с сообщения о том, что дядя героя был человеком, который перед смертью (а может быть и всю жизнь – в зависимости от того, к какой строке: первой или третьей притягивается вторая строка; см. соответствующий раздел настоящей заметки) решил говорить правду, сколь бы нелюбимой она ни была, и тем вызвал к себе уважение (см. третью строку, если ее понимать не как монолит – троесловие, как нас приучили, а три самостоятельных слова). Что совершенно меняет традиционное прочтение текста и даже – ввиду важности начала любого произведения для его восприятия – пониманье поэмы в целом.

НЕБОЛЬШАЯ, ХОТЯ И ПРЕОДОЛИМАЯ ТРУДНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРОЕСЛОВИЯ КАК ТРЕХ НЕЗАВИСИМЫХ СЛОВ В КАНОНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.

Интерпретация начала поэмы, при которой три слова ‘*самых честных правил*’ воспринимаются по отдельности, а не как идиоматический оборот, является совершенно естественной в устном прочтении. Тем более, что каноническая орфография такую интерпретацию допускает и ей не противоречит нисколько. Однако запятая в конце второй строки при такой интерпретации смысла первого предложения, хотя и возможна в новом прочтении, представляется несколько легковесной: естественней было бы ожидать на ее месте точку, или же точку с запятой. Поэтому, если гипотеза о том, что Пушкин при прочтении первой строки имел в виду не идиоматический оборот, делающий содержащийся в ней текст незаконченным, а законченное предложение, было бы крайне желательно найти свидетельства того, что Пушкин в первоначальных версиях начала поэмы вторую строку заканчивал точкой с запятой. Или точкой. Что само по себе доказывало бы справедливость Гипотезы. Хотя повторяю: в канонической орфографии, в которой в конце каждой строки стоят запятые, оба прочтения слов “самых честных правил” – и в виде идиоматического оборота, в котором слово правил является существительным, и в виде трех независимых слов с восприятием слово правил как сказуемого (глагола) – возможно. И ни грамматике русского языка, ни смыслу первой строфы первой главы, равно как и поэмы в целом, не противоречит ни в коей мере.

ОРФОГРАФИЯ ПЕРВЫХ СТРОК ПЕРВОЙ СТРОФЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ПОЭМЫ ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ 1825 ГОДА.

Для изучения вопроса о том, что именно хотел сказать Пушкин первой строкой первой строфы, естественно задаться вопросом: всегда ли текст начала поэмы был таким, каким стал после опубликования ее полного текста? И всегда ли ее орфография совпадала с общеизвестной? Обращение к публикациям, предшествующим изданию 1833 года, а также к пушкинским черновикам показывает, что и орфография, и текст первой строфы с момента написания первых черновиков, а затем частичных публикаций поэмы, претерпели существенную эволюцию.

Как известно, первая глава поэмы Евгений Онегин была опубликована на восемь лет раньше, чем ее полный текст. В первом издании первой главы 1825 года текст первой строфы был тот же, что и в ставшей канонической с 1833 года версии. А вот знаки препинания в этих строках были расставлены совершенно иначе.

**Первое четверостишие первой строфы первой главы
поэмы Евгений Онегин
согласно первой публикации первой главы в 1825 году**

**Мой дядя, самых честных правил,
Когда не в шутку занемог;
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.**

То есть в конце второй строфы изначально стояла та самая точка с запятой, которая крайне желательна для подтверждения Гипотезы о том, что в первой строке слово “правил” является не

существительным, а глаголом. Точка с запятой в более поздних редакциях была заменена запятой по каким то причинам. Выяснение которых – ввиду колоссальной важности поэмы Евгений Онегин для всей русской культуры - представляет существенный интерес.

НОВАЯ ТРУДНОСТЬ. Казалось бы, гипотеза о том, что слова САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ следует воспринимать не как идиоматический оборот, а каждое в отдельности, нашла полное подтверждение. Однако это не совсем так. При прочтении первых строк в первой опубликованной версии первой главы возникла новая трудность, состоящая в появлении запятой после слова “дядя”. Которая делает интерпретацию слов “самых честных правил” не как идиоматический оборот, а как три независимых слова, невозможной.

Само по себе блуждание запятой и замена запятой на точку с запятой необычно и достойно самостоятельного исследования. В самом деле: в конце второй строки в первоначально опубликованной версии точка с запятой была. Но зато добавилась запятая в середине первой строки, подчеркивающая, что “самых честных правил” является идиоматическим оборотом. При этом в оральной (устной) интерпретации оба смысла имеют равное право на существование! Причем превалирование того или иного (троесловаия или трех независимых слов) определяется исключительно интонацией, что само по себе является одним из уникальных свойств русского языка, открывающим колоссальные возможности для его использования в литературе и устной речи но используемое крайне редко.

Интерпретация первых двух строк первой строфы после появления точки с запятой в конце второй строчки делает содержание первых двух строк законченным предложением: “*мой дядя, самых честных правил, когда не в шутку занемог*” – конец предложения. Заметим, что предложение это имеет смысл в том и только том случае, если слово *правил* понимать не как существительное, а как глагол. Потому что если “самых честных правил” троесловоие, деление коего на слова меняет смысл, то предложение в целом вообще лишается какого либо смысла. Который – хотя и несколько странноватый – появляется, если добавить после ‘Мой дядя’ глагол был. Однако отсутствие глагола-связки в данном случае грамматически для законченного предложения (а только таким могут быть слова, начинающиеся заглавной буквой заканчивающиеся точкой запятой) совершенно недопустимо. Если воспринимать слово правил как существительное, предложение, заканчивающееся точкой с запятой (а раз точка с запятой стоит в конце массива текста, то в русском языке ей предшествует законченное предложение) становится абсолютно абсурдным. Однако если воспринимать в первой строке каждое слово в отдельности, смысл ясен и четок. Хотя – повторяем, в орфографии первой публикации первой главы такое прочтение наличие запятой в середине первой строки является невозможным.

В любом случае, сравнивая каноническую версию с первой опубликованной версией первых строк первой главы, становится очевидным, что Пушкин пытался играть с смыслом, меняя синтаксис, находясь между Сциллой и Харибдой чего то. Но чего именно и почему играл? Ответ на этот вопрос дают черновики Пушкина.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ПЕРВЫХ СТРОК ПЕРВОЙ СТРОФЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ПОЭМЫ ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН. Заинтересовавшись вопросом и отыскав все, какие были доступны, написанные Пушкиным версии начала поэмы, и подключив к поиску коллег-литературоведов, я обнаружил, что самый первый черновой вариант начала Романа, являвшийся первоосновой остальных вариантов, существенно отличался от всех опубликованных версий:

**Первоначальная версия текста и орфографии
первого четверостишья первой строфы первой главы
поэмы Евгений Онегин
в первом рукописном черновом варианте**

**Мой дядя самых честных правил
Он лучше выдумать не мог
Он уважать себя заставил
Когда не в шутку занемог.**

Эврика – как крикнул бы Архимед! В том виде, в каком первые строки первой строфы были впервые положены Пушкиным на бумагу, понимание слов *самых честных правил* как идиоматического оборота означало бы, что дядя Евгения был самых честных правил не только тогда, когда почувствовал приближение смерти, а всю жизнь. И лучше, чем быть самых честных правил (то есть соблюдать этикет и нормы высшего света) он не мог ничего придумать. И, когда не в шутку занемог, умер.

В традиционной интерпретации двух троесловий (в черновой версии, цитируемой выше, находящихся, как и в каноническом тексте, в первой и третьей строках – но относящихся к другим предложениям!) смысл начала поэмы был бы таким: Дядя Онегина во всем следовал правилам, принятым в его время. Ничего лучше этого он не мог выдумать. И умер, когда не в шутку занемог.

Вроде бы, единственно возможное понимание черновой версии начала поэмы в традиционной интерпретации троесловий. Похожее на абракадабру. Ведь согласно традиционной интерпретации троесловие УВАЖАТЬ СЕБЯ ЗАСТАВИЛ является идиоматическим оборотом означающий смерть. Если бы это не было словами Пушкина (а точнее Высокоуважаемых Интерпретаторов Пушкина) можно было бы сказать без эвфемизмов: полная ахинея!

В то время как, если понимать каждое слова Пушкина в первой черновой версии четверостишья, как и весь остальной текст поэмы: каждое слово в отдельности – то смысл становится ясен и четок. Дядя Пушкина вразумлял всех и вся. И этим заставил себя уважать перед смертью. Действительно, трудно придумать что либо более вызывающее уважение, чем искренность и откровенность. Даже если человек начинает вести себя таким образом только на пороге кончины.

Отметим, что в самой первой, так называемой черновой версии, знаки препинания вообще не расставлены что для рукописей Пушкина не характерно и более того: исключительно. Что является неопровержимым доказательством того, что Пушкин думал о том, как будет взаимодействовать устная традиция (в которой знаки препинания определяются интонацией) и традиция письменная. А также о том, что расстановка знаков препинания в первых четырех строках являлась для Автора тончайшей игрой: (1) устной и письменной речи, (2) идиоматических оборотов и взятых по отдельности слов, (3) балансе смыслов написанного на весах понимания.

Если попытаться расставить знаки препинания, отсутствующие в черновой версии, то получается вот что. Дядя Онегина правил самых честных – точка. И лучше этого он перед смертью ничего сделать не мог – еще одна точка. Этим своим поведением он заставил себя уважать, когда не в шутку занемог – точка. Что совершенно логично и вызывает глубокое уважение к дяде Онегина. Блестяще по языку! Достойное поведение человека. И без тени иронии. Такой “пример другим наука” (пятая строчка) без тени сарказма, абсолютно и стопроцентно всерьез! И во времена Пушкина, и сегодня!!

Отсутствие знаков препинания в первой версии начала первой строфы у Пушкина, чрезвычайно точного и аккуратного до малейших деталей в любом написанном им тексте, включая, разумеется, и орфографию, может означать только одно: что с самого начала работы над поэмой Евгений Онегин Поэт видел возможность существования двух интерпретаций первой строки первой строфы: как идиоматического оборота и как понимаемых по отдельности слов. Думал над этой проблемой. И тончайшим образом играл с смыслами, которые меняются даже без изменения составляющих строки слов. Играя как орфографией, так и с перестановками строчек. Уникальная, тончайшая и изысканная игра! В русской литературе (а может быть и мировой) не имеющая аналогов.

ПРИЧИНА ПО КОТОРОЙ ПУШКИН ЗАКОДИРОВАЛ НАЧАЛО ПОЭМЫ. Она ясна. Черновая версия была написана в 1823 году, когда Пушкин был, можно сказать, самым свободным из свободных людей Российской Империи. Молодой человек, несмотря на то, что находился в Южной Ссылке, позволял себе исключительно смелые заявления. «*Саранча летела, летела. И села. Сидела, сидела, все съела. И вновь улетела*». И весь отчет о причинах голода и неурожая на юге России, которое поэту было поручено сделать! Или: “*Полу-милорд, полу-купец, /Полу-мудрец, полу-невежда,/ Полу-подлец, но есть надежда,/Что будет полным наконец*” в эпиграмме не на кого-нибудь а на назначенного Императором наместника Юга России графа Воронцова, сделавшего Пушкину немало добра. К 1825 году, когда первая глава Евгения Онегина была впервые опубликована, ситуация изменилась. Пушкин находился в ссылке Михайловском, под гласным надзором. Опасность быть сосланным далее – или наказанным еще строже, была совершенно реальна. В таких обстоятельствах любой, даже самый отчаянный человек, будет более взвешен и осторожен. Даже – и особенно – Пушкин, каждой слово которого, как эхо, было слышно в России всюду, где жил хотя бы один способный читать на родном языке человек. Ну а окончательный текст поэмы в том виде, в каком мы его знаем, был опубликован в 1933 году, когда Николаевский режим и цензура свирепствовали вовсю. Неудивительно, что Пушкин во имя того, чтобы поэма вообще увидела свет, завуалировал дерзкое начало ее. Да так ловко, что, если не вчитываться и не прочесть историю версий начал поэмы, можно было бы усомниться в том, что смысл этих четырех строк отличается от того, которому нас научили.

К КАКОЙ СТРОКЕ: ПЕРВОЙ ИЛИ ТРЕТЬЕЙ – ПРИТЯГИВАЕТСЯ ВТОРАЯ СТРОКА ПЕРВОЙ СТРОФЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ПОЭМЫ ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН? Проблема первого четверостишья первой строфы Онегина не исчерпывается интерпретациями первой и третьей строк. В нем закодирована, например, еще и такая проблема: к какой строке – предыдущей или последующей – притягивается вторая строка?

ПОЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ. Русский язык, в отличие от большинства (а может быть даже всех) языков европейских устроен так, что слова в нем могут притягиваться – как в законе всемирного тяготения. Или, точнее, в электродинамике, в которой заряды могут и притягиваться, и отталкиваться, так же как и слова. Это стало возможным благодаря свободе русской речи от порядка слов в предложении. Который в английском, немецком и многих других языках строго определен. Эта его особенность, о которой можно писать книги и монографии, а также проводить конференции и конгрессы, в полной мере относится к первому четверостишью первой строфы первой главы Величайшей поэмы,

написанной по-русски когда либо. В самом деле. К какой строке притягивается вторая строка: к первой или третьей? Что хотел сказать Пушкин: что “дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог” – утверждение номер один. И как следствие этого “он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог”? – утверждение два. Или же Пушкин сказал, что “Мой дядя самых честных правил” – и точка. То есть был самых честных правил – или же правил самых честных вообще, не только перед смертью а, может быть, всю свою жизнь. Но только “когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил”. Нюанс, не меняющий смысл столь кардинально, как восприятие троесловия в первой строке либо идиоматический оборот либо как глагол. Однако все таки существенно меняющее восприятие. Между прочим, в первом черновом варианте из за отсутствия знаков препинания вторая строка равным образом притягивается и к предыдущей, и к последующей строкам. Оставив читателями пространство для интерпретации понимания. Такой вот немаловажный нюанс. В действительности открывающий целый мир, свойственный из европейских языков, кажется, только русскому. И демонстрирующий существование Поля Русского Языка так же четко и убедительно, как опыт Майкельсона доказал инвариантность скорости света. Для объяснения опыта Майкельсона Эйнштейн создал теорию относительности, которая совершила переворот во всей современной науке. Аналогично этому, проблема поля русского языка, явственно обозначенная в неопределенности притяжения второй строки к предыдущей или к последующей, ждет столь же смелых исследователей.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ЗАОЧНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ПУШКИНА И

НИКОЛАЯ? Как известно, император Николай Павлович был личным цензором Пушкина. Таким образом произведения поэта высочайше цензурировались напрямую. Адаптация к цензору когда он известен, является искусством само по себе (см. например пьесы Мольера или комедию Гоголя Ревизор, которую также, как и Онегина, цензурировал Сам Император). Игра с цензурой у Пушкина тем интереснее и утонченнее, что император Николай I (объявивший себя цензором Поэта – без посредничества Синода и Третьего Отделения) и сам был незаурядным лингвистом. Достаточно вспомнить приписываемое ему переименование оперы Глинки “Смерть за Царя” в “Жизнь за Царя” (сообщенное Глинке через одного из министров). Основанное на тончайшей игре слов и словосочетаний: в русском и только в русском языке фразы ‘Жизнь за Царя’ и ‘Смерть за Царя’ имеют одинаковый, а не противоположный смысл! А также вспомним общеизвестное **КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ** – словосочетание в устной традиции то есть без запятых содержащее два противоположных смысла одновременно – но, будучи грамматически правильно положенным на бумагу, меняющее смысл на противоположный в зависимости от того, перед или после слова **НЕЛЬЗЯ** поставлена точка. Парадокс, аналогов которому в западноевропейских языках быть не может. Да и в поле языка русского, за исключением имеющих ту же структуру всего лишь с заменой слов – не придумано по сей день, или придумано крайне мало. За исключением опять же первой строки первой строфы Евгения Онегина. В которой как ни интерпретируй первую строчку, вопрос о том, к какой строке и какому предложению принадлежит вторая строка в условиях, когда и перед нею и после нее симметрично расставлены запятые, разрешен быть не может. И к первой может притягиваться, и ко второй. Как и в афористичном троесловии Николая!

Заметил ли император Николай Павлович эти нюансы? С абсолютной уверенностью, по видимому, этого мы никогда не узнаем. Хотя такой сюжет мог бы служить восхитительной темой школьных и университетских дискуссий – а также ключом к сюжету кинофильмов и сериалов.

Юрий Магаршак. Профессор физики. И литератор – но только в исключительных случаях.

